



УДК 101.1:316
ББК С0

Надежда Дмитриевна Субботина,
доктор философских наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30)
e-mail: dialectica@yandex.ru

Официальный и карнавальный – два типа праздника

В статье отмечается, что праздник является феноменом, основанным на суггестии. Сущностью праздника является самосохранение группы. Показано, что групповому человеку необходимы два праздника, или две стороны праздничного действия – строгого официального и весёлого карнавального. Официальные праздники преследуют задачу показать единство группы, карнавальные – отделить чужих путём демонстрации «неправильного» поведения. Карнавальный смех автор объясняет тем, что смеющиеся радовались единству своей группы и одновременно высмеивали то, что является потенциально опасным для группы. Поступая заведомо неправильно, участники действия своим смехом показывали, что они понимают неправильность и тем самым ещё более утверждали правильное поведение. Неправильное поведение разрешалось, но строго ограничивалось. В карнавальные праздники разрешение нарушать правила было кратким по времени, в случае с шутами и юродивыми было сокращение по количеству субъектов, которым разрешено вести себя подобным образом.

Отмечается, что карнавальная составляющая праздника в настоящее время стала устойчивой частью праздника в целом, однако её вторичная роль подчёркивается тем, что место ей отводится всегда после официального праздника.

Ключевые слова: праздник, официальный праздник, группа, суггестия, карнавал, «день дурака», шуты, самосохранение.

Nadezhda Dmitriyevna Subbotina,
Doctor of Philosophy, Professor,
Transbaikal State University
(30 Alexandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039)
e-mail: dialectica@yandex.ru

Official and Carnival – Two Types of Holiday

The article notes that the holiday is a phenomenon based on the suggestion. The essence of the festival is self-preservation group. The article shows that group man needed two holidays, or two sides of the festive action – strictly formal and cheerful carnival. Official holidays the aim to show the unity of the group, carnival to separate strangers by demonstrating the “wrong” behavior. Author explains carnival laughter that laughing people enjoyed by unity of the group, and also derided what is potentially dangerous for the group. Obviously doing wrong, participants use their laughter to show that they misunderstood and thus even more maintained correct behavior. Improper behavior was allowed, but strictly limited. In the carnival celebrations, permission to break the rules was a brief time, in the case of the holy fools and jesters there was a reduction in the number of peoples that are allowed to behave in a similar way.

It is noted that component carnival celebration has now become a stable part of the holiday as a whole, but its secondary role is emphasized by the fact that its place is always given right after the official holiday.

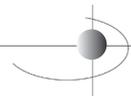
Keywords: holiday, an official holiday, group suggestion, carnival, “Fools’ Day”, jesters, self-preservation

О сущности праздника

Праздник является одним из социальных феноменов, основанных на суггестии, возникшей в древности в результате соединения естественного механизма регуляции поведения с человеческой речью. В первобытном обществе суггестивному воздействию подчинялись беспрекословно, только так племя и род могли выжить в жёстких условиях окружающей среды. Современный человек благодаря интеллекту способен противостоять нежелательной суггестии, однако её роль в общественных отношениях в целом позитивна. Суггестия остаётся способом включения

инстинктивного подчинения индивида группе, что является условием её самосохранения. Следовательно, сущностью праздника, основанного на суггестии, является, самосохранение группы [11, с. 136–160, 222–228].

М. М. Бахтин считал всякое празднество первичной формой человеческой культуры. «Её нельзя вывести и объяснить из практических условий и целей общественного труда или – ещё более вульгарная форма объяснения – из биологической (физиологической) потребности в периодическом отдыхе. Празднество всегда имело существенное глубокое смысловое миросозерцательное содержа-



ние» [2, с. 16]. Бахтин уточняет: для того чтобы мероприятия стали действительно праздничными, «они должны получить санкцию не из мира *средств* и необходимых условий, а из мира высших целей человеческого существования, то есть из мира идеалов» [2, с. 16].

Здесь мне хочется возразить. Да, празднество связано с «первичной формой человеческой культуры», однако оно лишь *элемент*, а не вся первичная культура. Первичная культура – это ещё как минимум передача накопленных знаний новым поколениям. Далее, действительно, праздник нельзя вывести и объяснить из «биологической (физиологической) потребности в периодическом отдыхе». Однако я считаю, что в основе праздника лежит естественная потребность в самосохранении группы.

Множество работ посвящено анализу различных функций праздника. Оставив за рамками статьи их полное перечисление, остановлюсь только на описании таких функций, которые выявляют его сущность как способа самосохранения группы. И. В. Гужова среди функций выделяет консолидирующую: «праздник объединяет общество вокруг единой идеи, способствует социализации индивидов и служит “барометром” социальной аутентичности культуры» [4, с. 10]. О. Л. Орлов отмечает совмещение «личного и коллективного самосознания в процессе праздника [выделено мной – Н. С.], как условие преемственности культурной традиции» [10]. С. Б. Маркарьян и Э. В. Молоднякова в работе, посвящённой праздникам в Японии, отмечают: «Без праздника, очевидно, человек почувствовал бы себя отчуждённым, одиноким, изолированным от общества. Праздник выступает как средство объединения людей, возобновления определённых общественных связей, выполняя *коммуникативно-интегративную функцию*» [8; выделено мной – Н. С.]. Это совершенно правильно, только следует продолжить: *праздник не просто объединяет, а сохраняет группу*. Предположу, что в процессе «социально-естественного» отбора выживали группы, у которых промежутки между праздниками были меньше¹.

Таким образом, *интегративно-сохраняющая* функция проявляется как способ обеспечения общностью своего единства, переживания связи индивида с группой. Эта функция присуща праздникам с самого начала их возникновения. Такой вывод можно сделать

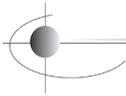
¹ Интересно было бы провести анализ современных праздников, объединяющих целые этносы или государства, и сравнить частоту этих праздников со степенью патриотизма и национальной гордости.

из анализа работы исследовательницы Рут Фултон Бенедикт (Ruth Fulton Benedict), несколько лет прожившей в индейских племенах Северной Америки и написавшей знаменитую книгу «Стереотипы культуры» [12]. В этом же русле работала и её ученица Маргарет Мид (Margaret Mead).

Дора Кабакчиева (Dora Kabakchieva) пишет, что праздник отмечает «завершение определённого цикла»; она считает это ключевым моментом в поиске смысла праздника [14, с. 43]. Для обоснования этого вывода Кабакчиева упоминает, что в первобытном обществе праздники проводились после удачного завершения работы: «успешное окончание должно быть маркировано, отмечалось как победа, сопровождаемая специальной церемонией и продолжалось как праздник» [14, с. 41]. Можно предположить, что здесь группа охотников обозначает своё единство в противостоянии с внешним миром, и природным, и социальным. Множество современных праздников также связано с окончанием каких-либо циклов: сбор урожая, победа в войне, окончание учебного заведения. С этим критерием как ведущим можно было бы согласиться, если бы все праздники были такими. Однако празднуют и поступление на учёбу, свадьбы, рождение детей. Для этих праздников более важно не завершение предыдущего цикла, а начало нового. Существует ряд профессиональных праздников; многие праздники связаны с определёнными датами совершенно условно: общество чувствует необходимость торжественного события и выбирает для этого удобную дату.

Таким образом, повод празднества может быть разным, формы организации праздника отличаются друг от друга, но объединяет все праздники особое ощущение групповой близости. И это состояние, вызываемое коллективной самосуггестией, – продукт естественного отбора: выжить могли только те группы, члены которых не только поддерживали друг друга, не только делали это посредством регулярных коллективных обрядов, но делали это с желанием.

Для группы важно, чтобы все её члены соблюдали одни и те же правила. В связи с этим во время праздников запрещено работать. Запрет на работу в праздник может быть обойдён, если работа «оформляется» как праздник. Например, в русских деревнях совместная постройка дома для тех, кто в одиночку этого сделать не может, называлась «*пёмочь*» или «*толоку*». Антропологи описывают такие мероприятия подобным образом:



«Помощь, как правило, устраивалась в воскресные и праздничные дни. <...> ...Хозяин или хозяйка заранее приглашают людей на помощь, обходя каждый дом; в назначенный день утром все собираются вместе, распределяют обязанности, потом следует непосредственно работа, а завершает всё весёлое гулянье. ...Люди с радостью принимали приглашение и с охотой трудились» [9]. При анализе *помочи* следует обратить внимание на две особенности такого вида работы. Во-первых, хотя участие в *помочи* было добровольное, уклоняющиеся от неё осуждались. Во-вторых, совместная работа вызывала радость.

Главный механизм праздника – это коллективная самосуггестия, которая и создаёт особое настроение приподнятости. И лишь позднее уже на эту естественную основу накладываются «высшие цели», придаются высшие смыслы. Цели и смыслы могут меняться и меняются, а истинный, системообразующий смысл праздника остаётся.

Важно, чтобы во время промежутка между праздниками человек постоянно помнил, что он член данной группы. Рост мобильности современного человека увеличивает длину «поводка», которым он связан с группой. Находясь вне своей группы в праздничные дни, человек опасается (порой лишь на уровне подсознания), что группа вычеркнет его из своих рядов, так как основное подтверждение своей принадлежности к группе человек демонстрирует именно во время праздника¹. «Поводок», связывающий с группой может оборваться. В современном обществе и человек может найти новую группу и группа – новых членов. Но при разрыве отношений, даже если это было осознанным решением, человек неизбежно будет испытывать негативные эмоции, сравнимые с переживанием потери ценных вещей, а иногда даже сопоставимые с потерей близкого человека. Всё вышесказанное говорит о жизненной необходимости феномена праздника для «группового человека».

Официальные и карнавальные праздники

Но существовали и праздники иного типа, в которых многие действия были перевернутыми с ног на голову. Речь идёт о цере-

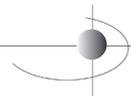
мониях триумфа древнего Рима, древнеримских сатурналиях, карнавалах, «праздниках дураков», «праздниках осла» и других. Все эти разновидности можно обозначить общим термином «праздники карнавального типа».

М. М. Бахтин противопоставляет праздники серьёзные, «официальные», праздникам смеховым, карнавальным. Исследователь отмечает, что на ранних этапах оба аспекта праздника не разделялись на два вида. Ещё «в фольклоре первобытных народов рядом с серьёзными (по организации и тону) культурами существовали и смеховые культы, высмеивавшие и срамословившие божество (“ритуальный смех”), рядом с серьёзными мифами – мифы смеховые и бранные, рядом с героями – их пародийные двойники-дублёры» [2, с. 14].

Та же особенность сохранилась позднее. «Так, например, в Риме и на государственном этапе церемониал триумфа почти на равных правах включал в себя и прославление, и осмеяние победителя» [2, с. 14]. А. В. Дмитриев и А. А. Сычёв объясняют данное поведение следующим образом: «Играя сдерживающую и предостерегающую роль, насмешки и разоблачения должны были хранить адресата от чрезмерной заносчивости и самонадеянности. Они развенчивали ложные представления о том, что он стоит выше всех остальных людей и фактически (а не символически) равен богу. Триумфатору было важно не только принимать восхваления, но и понимать их условный и временный характер» [6, с. 121]. Я предложу в качестве дискуссии несколько иное объяснение такого поведения. Мне думается, что данная традиция шла из глубокой древности, когда в обществе ещё не было столь резкой иерархии. Римские триумфаторы пока воспринимали насмешки как само собой разумеющееся, поскольку в тот период традиции играли в обществе очень важную роль. Представления же о том, что триумфатор стоит выше всех остальных людей, были отнюдь не ложными, а соответствующими реальным отношениям. Конечно, триумфатор не был равен Богу, но преобладающую часть времени стоял над своим войском и всем народом. Это понимал и сам триумфатор, и народ. Временными же были не восхваления, а насмешки. Постепенно они становились всё более редкими и краткими, пока не были изжиты, лишившись своей санкционированности, легитимности.

Данную позицию подтверждают слова авторов упомянутой монографии: «Во время триумфального шествия процесс одновре-

¹ На американских сайтах появилось много рекомендаций, как бороться с депрессией во время праздника. Например, Лори Стонехам (Laurie Stoneham) даёт 10 советов людям, оказавшимся в одиночестве во время праздника [15]. Она рекомендует книгу доктора философии К. В. Эллисона (Crain W. Ellison) «Прощание с одиночеством и обретение близких отношений» (“Saying Good Bye Loneliness and Finding Intimacy” [13]).



менного снижения высокого и возвышения низкого способствовал созданию особой иерархической атмосферы ритуального равенства» [6, с. 121]. Затем они дают, на мой взгляд, ключевую характеристику равенства как «временного сближения народа и власти» [выделено мной – Н. С.].

В дальнейшем, в средние века, по мнению Бахтина, произошло разделение праздника на официальный и «народно-смеховой», карнавальный. Бахтин писал: «Официальный праздник утверждал стабильность, неизменность и вечность всего существующего миропорядка... Поэтому и тон официального праздника мог быть только монолитно *серьёзным*, смеховое начало было чуждо его природе» [2, с. 18]. Это абсолютно так. Официальный праздник закреплял выгодную господствующим группам структуру общества. Но хочется высказать сомнение по поводу дальнейшего продолжения этой цитаты Бахтина: «Именно поэтому официальный праздник изменял *подлинной* природе человеческой праздничности, искажал её» [2, с. 18]. Официальный праздник, на мой взгляд, нельзя считать неподлинным. Он – одна из сторон праздничного механизма самосохранения группы. В официальных праздниках нуждаются не только правящие круги, но и народ страны в целом.

Официальному празднику Бахтин противопоставляет карнавал: «В условиях классового и феодально-государственного строя средневековья эта праздничность праздника ... могла осуществляться во всей своей неискажённой полноте и чистоте только в карнавале и в народно-площадной стороне других праздников. Праздничность здесь становилась формой второй жизни народа, вступавшего временно в утопическое царство всеобщности, свободы, равенства и изобилия» [2, с. 17–18].

Ключевым, на мой взгляд, в данном пассаже является слово «всеобщность», выражающая объединительную функцию праздника. Таким был праздник для первобытного человека. Со временем всеобщность становится неполной, праздники были необходимы для возрождения этого чувства. Однако в классовом обществе всеобщность хотя и проявляется на этническом уровне, в нём появляются группы, имеющие разный статус и уровень жизни. Очень метко Бахтин назвал чувство всеобщности утопическим. То же самое касается свободы и равенства. Свобода в карнавальных мероприятиях разрешает критиковать вышестоящих, тем самым как бы

приравнивая их себе, делая невидимой иерархическую лестницу. Иллюзией изобилия являются более щедрые, чем в будни, праздничные столы. Бахтин совершенно прав, что это «царство» временно. После праздника исчезают свобода, равенство, уменьшается или исчезает изобилие. Однако остаётся, хотя неполное, единство. Оно поддерживается воспоминаниями о празднике, подарками, полученными во время праздника, а также предвкушением будущих праздников. Главное – чтобы промежуток между праздниками не был достаточно большим и эффект от него не утрачивался.

Довольно распространён подход к карнавалу как к способу «канализации» низших стремлений человека, чтобы они, накапливаясь, не привели к социальному взрыву. Такую точку зрения высказывал Р. Генон [3, с. 47]. Этот подход поддерживается многими авторами. В. П. Даркевич подчёркивал, что карнавальные действия не поощрялись высшими сановниками церкви, но сохранялись, представляя своего рода отдушину для средневекового человека [5, с. 280]. Источником такого подхода, возможно, являются заявления церковников. М. М. Бахтин, а позднее Даркевич, цитируют «Циркулярное послание парижского факультета богословия от 12 марта 1444 г.», в котором объясняется необходимость подобных праздничных увеселений тем, что «глупость (шутовство), которая является нашей второй природой и кажется прирождённой человеку, могла бы хоть раз в году свободно изжить себя. <...> Поэтому мы и разрешаем себе в определённые дни шутовство (глупость), чтобы потом с тем большим усердием вернуться к служению Господу» [цит. по: 2, с. 87]. Думается, что это высказывание показывает лишь часть правды. Церковники лукавили, объясняя самим себе, почему они позволяют то, что в сущности непозволительно. Как только церковь стала достаточно сильной, карнавалы были запрещены.

На мой взгляд, объяснение сущности карнавала связано с тем, что все карнавальные действия сопровождались смехом. С. С. Аверинцев обращал внимание на то, что карнавальный смех – разрешённый. «Вся западная институция “карнавала” на том и основана, что смеются, когда “можно”, точнее, когда самое “нельзя” в силу особого формализованного разрешения на время превращается в “можно” – с такого-то по такое-то число» [1, с. 342]. Мне же думается, что разрешение здесь относится не к смеху как таковому, а

к действиям, которые сопровождаются смехом, так как трудно представить, что в дни без карнавала людям было запрещено смеяться.

Карнавальная смех – совершенно особенный. Бахтин даёт ему следующую характеристику: «Это прежде всего *праздничный* смех. <...> Карнавальная смех, во-первых, *всенароден*... во-вторых, он *универсален*, он направлен на всё и на всех ... в-третьих, наконец, этот смех амбивалентен: он весёлый, ликующий и – одновременно – насмешливый, высмеивающий, он и отрицает и утверждает, и хоронит и возрождает» [2, с. 20–21].

Хочется сделать несколько уточнений. Во-первых, всенародность смеха – это его принадлежность к группе под названием «народ». Это не исключает и, более того, предполагает наличие других групп, в данном случае – других народов. *Празднует всегда группа, большая или меньшая по объёму.* Даже индивидуальная смеховая реакция предполагает наличие группы: читая книгу, просматривая в одиночку смешной фильм, человек мысленно объединяется с теми, кому данное событие также покажется смешным. Чаще всего, это смех людей, считающих себя нормальными, над теми, кто глуп, неловок и неудачлив.

Во-вторых, можно предположить, что причиной амбивалентности смеха, с одной стороны, является радость от ощущения единства своей группы, с другой – осуждение нарушений правил.

Ещё более необычными для современного восприятия выглядят так называемые «праздники дураков» и «праздники осла», возникшие ещё ранее карнавалов. Р. Генон справедливо объединял такие праздники, производящие впечатление полного беспорядка, с собственно карнавалом. Все праздничные действия здесь противоположны общепринятым нормам. Исследователи считают основными особенностями этих праздников переодевание: «смеющийся валяет дурака, паясничает, играет, переодевается (вывёртывая одежду, надевая шапку задом наперёд)» [7, с. 4–5] – и «*переворачивание иерархической лестницы*: шут объявляется королём, выбираются однодневные шутовские аббаты, епископы и прочие «должностные лица». Они издают свои указы, которым следует подчиняться. Д. С. Лихачёв и А. М. Панченко делают вывод, с которым я не полностью согласна: «В скрытой и в открытой форме в этом “валянии дурака” присутствует критика существующего мира, разоблачаются существующие социальные отношения, социальная несправедливость» [7, с. 4–5].

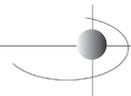
Мне же думается, что главное здесь, напротив, защита современных им норм и идеалов. Поступая заведомо *неправильно*, участники действия своим смехом показывали, что они понимают *неправильность*, тем самым ещё более утверждали правильное поведение. Если бы присутствующие при этом сохраняли серьёзный вид, то сверхзадача карнавала была бы невыполнима. Сверхзадача карнавала состоит в напоминании того, *как надо*; а для этого следует показать, *как не надо*.

Судьба таких праздников, как и карнавалов, также складывалась от первоначального признания к дальнейшему запрету. Бахтин пишет, что «праздники дураков» первоначально справлялись в церквах и носили вполне легальный характер, потом они стали полуполевыми, к исходу же средневековья и вовсе нелегальными; но они продолжали существовать на улицах, в тавернах, влились в масленичные увеселения» [2, с. 86].

Ещё один феномен, хотя не всегда связанный с карнавальным типом праздника, но выполняющий совместно с ним функцию разрешения запретного – шуты (юродивые). Приведу описание их поведения, сделанное А. В. Дмитриевым и А. А. Сычёвым: «Поступки юродивых намеренно нарушали социальные нормы... Они эпатировали публику, пренебрегали общепринятыми условностями: могли появляться на публике без одежды, лежать в грязи... На Руси часто только они обладали реальными возможностями возмущать царям, указывать на их недостатки, насмеяться над их ошибками» [6, с. 124]. Здесь, можно увидеть аналогию с Днём дурака. Шуты и дураки, как отмечал М. М. Бахтин, были «постоянными, закреплёнными в обычной (т. е. некарнавальной) жизни, носителями карнавального начала» [2, с. 11].

Итак, «неправильное» поведение разрешалось, но строго ограничивалось. Если во время римских Сатурналий, в День дурака и в карнавалы разрешение нарушать правила поведения было кратким по времени, то в случае с юродивыми было сокращение по количеству субъектов, которым разрешено вести себя подобным образом. И там, и там количество чётко дозировано; количественным характеристикам ввиду их неизменности не суждено создать новое качество: возможность всем вести себя неправильно. Изменения возможны только в сторону уменьшения таких прав, что произошло позднее.

Исследователи часто видят в такой разрешённости осмеяний и оскорблений «стремление архаичного сознания к восстановлению



целостности мира, нарушенной процессами социального расслоения», считают А. В. Дмитриев и А. А. Сычёв [6, с. 126]. Однако надо помнить, что полного равенства в любой группе не бывает. Внутри групп и до классового размежевания существовала иерархия, она есть даже в самом «равном» обществе. Можно предположить, что архаичное сознание испытывало недостаток целостности группы в том смысле, что к ней принадлежал бы тот самый лидер, вождь, который встал уже над группой. К примеру, этого наверняка хотелось воинам, переносившим с триумфатором все тяготы войны.

Вновь обратимся к вопросу о соотношении официальных и карнавальных праздников. Бахтин считал, что «подлинная праздничность» неистребима, потому правящим классам «приходилось терпеть и даже частично легализовать её вне официальной стороны праздника, уступать ей народную площадь» [2, с. 18]. Действительно, на официальных праздниках всё очень торжественно и строго. Но практически всегда, когда заканчивается официальная часть, начинается неофициальная, весёлая. Последнее замечание Бахтина, пожалуй, касается не только средневековых праздников, о которых он писал, но и советских официальных праздников. Философ не мог во время строгого идеологического контроля сказать о том, что руководству Советского Союза также «приходилось терпеть и даже частично легализовать» подлинную праздничность, «уступать ей народную площадь». В течение последних десятилетий власти компартии мало кто верил в торжество коммунизма. Однако, собираясь на вынужденную демонстрацию 7 ноября, люди всегда веселились, пели, кричали «Ура!», возможно ненамеренно создавая иллюзию «единства народа и партии».

Объединяющая и разделяющая функции праздника

Проведённый анализ позволяет сделать предположительный вывод о том, почему групповому человеку необходимы два праздника, или две стороны праздничного действия – строго официального и весёлого карнавального. По моему мнению, первые праздники преследуют задачу показать единство группы, вторые – отделить чужих путём демонстрации «неправильного» поведения.

Почему люди любят смотреть на всё, что отличается от нормы? Наверное, потому, что всё это норму подчёркивает, уточняет. Причина этого – наше групповое сознание. Мы – группа, у нас есть общие черты, позволяющие

объединиться в группу. Это естественные черты (половые, возрастные, этнические) и социальные (национальные, статусные). Согласно этим признакам возможно возникновение различных (иногда устойчивых, иногда временных) групп. Нормы уточняют как положительные признаки (принадлежности к группе), так и отрицательные (непринадлежности). Положительные признаки чаще всего демонстрируются на официальных праздниках. Это – форма, хиджаб, галстук, значок и многое другое. Конечно, мы не полные копии друг друга, у нас есть множество «позволяемых» отличий. В то же время группе требуется знать границы этих отличий, за которыми их обладатели уже не могут считаться своими. Поэтому при наблюдениях за членами чужих групп постепенно складывается набор «отрицательных» черт. Например, мы не говорим на «тарабарском» языке, не носим на голове необычные причёски, а на теле необычные наряды. Мы не совершаем не принятые у нас поступки. Группа должна знать, что обнаруженные черты – признаки чужого. Для этого необходим какой-либо знак, метка; при этом требуется согласие всей группы. Такой меткой, на мой взгляд, выступает акт коллективного смеха.

Праздники смогли разделиться на официальные и карнавальные составляющие тогда, когда группы людей стали более тесно общаться между собой. Для первобытного племени не составляло труда выявить чужака (различные перья, тату, другие знаки). Когда же формировались этносы и национальные государства, возникла потребность подтверждения не только общих, но и отличительных черт. Становление этносов – это длительный, противоречивый процесс, характеризующийся, с одной стороны, возникновением общего языка и культуры и, с другой стороны, острой конкуренцией групп, каждая из которых считала свои внутренние ценности более важными.

В результате формирования этносов и национальных государств карнавальные типы праздников в их «классическом варианте» как отдельные мероприятия постепенно изжили себя¹. Чем сильнее становилась церковь, тем больше гонений получали такие праздники карнавального типа, пока их окончательно не запретили. Даркевич отмечает: «Уже в конце XII – начале XIII в. подобные “праздники безумных” подвергались интердиктам со стороны высшего духовенства. В

¹ Нынешние карнавалы не связаны с неправильным поведением.

период Контрреформации они были запрещены» [5, с. 299].

В наше время не только церковь, но и цивилизация в целом стала более устойчивой, логическое мышление уже не является привилегией избранных, поэтому общество уже не нуждается в средневековой символичности. Нет необходимости демонстрацией неправильного поведения подчёркивать правильное¹. Достаточно стало нравственных норм, церковных заповедей, государственных законов для того, чтобы граждане чётко знали, какие действия запрещены или просто не поощряются. В то же время в больших и небольших коллективах знаки принадлежности к группе сохраняются в виде определённой одежды, украшений, причёсок, жестов,

тату и многих других «мелочей». Например, в нашей стране все говорят на русском языке, но члены многих групп вырабатывают свою манеру разговора с целью отличить своих от других.

Следует отметить, что карнавальная составляющая праздника никуда не исчезла, она стала устойчивой частью праздника в целом. Это всевозможные банкеты, народные гуляния, ярмарки, весёлые соревнования и просто посиделки на кухне с рассказыванием анекдотов, порой даже не обладающих «юмористической составляющей», но неизменно вызывающих смех. Со стороны государства вторичная роль карнавальной составляющей подчёркивается тем, что место ей отводится всегда после официального праздника.

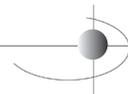
Список литературы

1. Аверинцев С. С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия Е. М. Мелетинского. М., 1993. С. 341–345.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса // Бахтин М. М. Собрание сочинений в 7 т. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 4 (2). С. 7–516.
3. Генон Р. О смысле «карнавальных» праздников // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 45–48.
4. Гужова И. В. Праздник как феномен культуры в контексте целостного подхода: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. Томск, 2006. 18 с.
5. Даркевич В. П. Светская праздничная жизнь Средневековья IX–XVI вв. Изд. 2-е, доп. М.: Индрик, 2006. 432 с.
6. Дмитриев А. В., Сычёв А. А. Скандал. Социофилософские очерки. М.: ЦСП и М, 2014. 323 с.
7. Лихачёв Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. М: Наука, 1976. 204 с.
8. Маркарьян С. Б., Молоднякова Э. В. Праздники в Японии. Обычаи, обряды, социальные функции [Электронный ресурс]. М.: Наука, 1990. 248 с. URL: <http://nippon-history.ru> (дата обращения: 01.02.2015).
9. Обычай коллективной помощи в русской деревне [Электронный ресурс]. URL: <http://shturmnews.info/content/obyчай-kollektivnoy-pomoshhi-v-russkoy-derevne> (дата обращения 03.01.2015).
10. Орлов О. Л. Российский праздник как историко-культурный феномен: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.01 [Электронный ресурс]. СПб, 2004. URL: <http://cheloveknauka.com/rossiyskiy-prazdnik-kak-istoriko-kulturnyy-fenomen> (дата обращения: 10.02.2015).
11. Субботина Н. Д. Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Улан-Удэ, 2002. 400 с.
12. Benedict R. Patterns of Culture. Boston-New York: Houghton, Mifflin and Company, 1934. 260 p.
13. Ellison Crain W. Saying Good Bye Loneliness and Finding Intimacy. Edition: Harper & Row ed. Binding: Soft cover Publishers. 1983.
14. Kabakchieva D. Role and place of the holiday in person and society's being – analysis of the conceptions // Sociobrain international scientific online journal publisher: www.sociobrain.com “smart ideas – wise decisions” ltd., bulgaria issue 3, november 2014 dora kabakchieva P. 41–48.
15. Stoneham L. 10 Things to Do if You're Alone for the Holidays / [Электронный ресурс]. URL: <http://psychcentral.com/lib/10-things-to-do-if-youre-alone-for-the-holidays/> /000403 (дата обращения: 15.02.2015).

References

1. Averintsev S. S. Bakhtin i russkoe otnoshenie k smekhu // Ot mifa k literature: Sbornik v chest' 75-letiya E. M. Meletinskogo. M., 1993. S. 341–345.
2. Bakhtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa // Bakhtin M. M. Sbranie sochinenii v 7 t. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2010. T. 4 (2). S. 7–516.
3. Genon R. O smysle «karnaval'nykh» prazdnikov // Voprosy filosofii. 1991. № 4. S. 45–48.
4. Guzhova I. V. Prazdnik kak fenomen kul'tury v kontekste tselostnogo podkhoda: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk: 09.00.13. Tomsk, 2006. 18 s.
5. Darkevich V. P. Svetskaya prazdnichnaya zhizn' Srednevekov'ya IX–XVI vv. Izd. 2-e, dop. M.: Indrik, 2006. 432 s.
6. Dmitriev A. V., Sychev A. A. Skandal. Sotsiofilosofskie ocherki. M.: TsSP i M, 2014. 323 s.
7. Likhachev D. S., Panchenko A. M. «Smekhovoi mir» Drevnei Rusi. M: Nauka, 1976. 204 s.

¹ Хотя и сейчас стихийно отмечается (в нашей стране 1 апреля) День Дурака (слабый отголосок средневекового).



8. Markar'yan S. B., Molodnyakova E. V. Prazdniki v Yaponii. Obychai, obryady, sotsial'nye funktsii [Elektronnyi resurs]. M.: Nauka, 1990. 248 s. URL: <http://nippon-history.ru> (data obrashcheniya: 01.02.2015).
9. Obychai kollektivnoi pomoshchi v russkoi derevne [Elektronnyi resurs]. URL: <http://shturmnews.info/content/obyчай-kollektivnoy-pomoshhi-v-russkoy-derevne> (data obrashcheniya 03.01.2015).
10. Orlov O. L. Rossiiskii prazdnik kak istoriko-kul'turnyi fenomen: avtoref. dis. ... d-ra kul'turologii: 24.00.01 [Elektronnyi resurs]. SPb, 2004. URL: <http://cheloveknauka.com/rossiyskiy-prazdnik-kak-istoriko-kulturnyy-fenomen> (data obrashcheniya 10.02.2015).
11. Subbotina N. D. Problema sootnosheniya estestvennogo i sotsial'nogo v obshchestve i cheloveke: dis. ... d-ra filos. nauk: 09.00.11. Ulan-Ude, 2002. 400 s.
12. Benedict R. Patternsof. Culture. Boston-New York: Houghton, Mifflin and Company, 1934. 260 p.
13. Ellison Crain W. Saying Good Bye Loneliness and Finding Intimacy. Edition: Harper & Row ed. Binding: Soft cover Publishers. 1983.
14. Kabakchieva D. Role and place of the holiday in person and society's being – analysis of the concep-tions // Sociobrain international scientific online journal publisher: www.sociobrain.com "smart ideas – wise deci-sions" ltd., bulgaria issue 3, november 2014 dora kabakchieva P. 41–48.
15. Stoneham L. 10 Things to Do If You're Alone for the Holidays / [Elektronnyi resurs]. URL: <http://psychcen-tral.com/lib/10-things-to-do-if-youre-alone-for-the-holidays/000403> (data obrashcheniya: 15.02.2015).

Статья поступила в редакцию 17.03.2015